

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ *ВАМПИР*
КАК ЭЛЕМЕНТ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА**

Данное исследование посвящено изучению концепта *ВАМПИР* как культурологического феномена, встроенного в концептуальную картину мира (ККМ) человечества. Концептуальная картина мира — это ментальное отражение в сознании индивида внешнего мира, в который он (индивид) погружен и который он стремится познать, осмыслить, чтобы таким образом адаптироваться к существованию в этом мире и максимально оптимизировать свое функционирование в нем. Необходимость приспосабливаться к миру служит одним из мощнейших стимулов, которые побуждают человека к познанию. Познание и отражение мира кристаллизуется в концептах, которые Е. С. Кубрякова метко назвала “квантами знания”, уточнив, что они “возникают в процессе построения информации об объектах и их свойствах, причем эта информация может включать как сведения об объективном положении дел в мире, так и сведения о *воображаемых мирах*. Это сведение о том, что индивид знает, *предполагает*, думает, *воображает* об объектах мира” [5: 90].

Концепты суть разновидности психических образований, которые В. В. Красных называет общим термином “ментефакты”, утверждая, что они, в свою очередь, “суть элементы содержания сознания”, которое отражает действительность, т. е. “все сущее, материальное и *идеальное*, реально существующее и *воображаемое* (в виде, например... *плодов фантазий*)” [4: 35–36].

Обращаем особое внимание на тезис относительно ментефактов, или квантов знания о *воображаемых мирах*. Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что формирование концепта и его встроенность в общую концептуальную картину мира (ККМ) ни в коей мере не обусловлены фактом объективного, реального существования отображаемого феномена. Контрфактный характер, или попросту нереальность, “выдуманность” феномена не служат препятствием для существования *концепта* этого феномена. Причем соответствующий концепт может входить в ККМ не только отдельного индивида но и целого социума, к примеру, этнической общности людей, носителями общей культуры, общего менталитета.

Рассуждая о концептуальной картине мира и ее соотношении с языковой картиной мира, мы должны сделать важный акцент на том, что вторая не есть зеркальное отражение первой. Полностью присоединяемся к мнению Е. С. Кубряковой о том, что “концепты — это *посредники* между словами и экстралингвистической действительностью”, они “*независимы* от языка и не случайно, что только часть из них находит свою языковую объективацию” [5: 92]. Эти аргументы позволяют нам рассмотреть концепт ВАМПИР вне его жесткой привязки к тому или иному национально-специфическому языку. Исследуемый объект рассматривается прежде всего как ментальное образование, или ментефакт, абстрагированный от его “языковой объективации”. Подобная процедура обеспечивает нам право доступа к концепту как явлению нескольких этно-национальных культур, объективируемых разными национальными языками. Одновременно сделаем важную оговорку: каков бы ни был характер концепта (ментальный, нематериальный, невербализованный), исследовать его можно только с применением языковых средств, опираясь на предшествующие вербальные описания и характеристики, поскольку, как формулирует В. В. Красных, “базовые оппозиции культуры закреплены в языке... и проступают сквозь призму языка как древнейшие представления, соотносимые с культурными архетипами” [4: 13].

Для анализа концепта ВАМПИР мы использовали лексикографически зафиксированную информацию об этом феномене, накопленную в европейской и североамериканской культурах к концу XX века. Были изучены 26 справочных изданий: энциклопедии и толковые словари общего и культурологического типов, изданные в Великобритании, США, России и Украине. Как вытекает из имеющихся описаний, концепт ВАМПИР является немаловажным конструктивным элементом мифологической картины мира у целого ряда европейских этносов. Каждый второй источник содержит сведения о территориально-этнографической локализации данного ментефакта. Однако внешние границы ареала “бытования вампира” несколько варьируются. Например, все источники (из числа тех, которые квалифицируют этнонациональную специфику) локализуют концепт ВАМПИР как элемент восточно-европейской [13, 14] или, точнее, славянской [9, 10, 11, 12] фольклорной картины мира, а некоторые источники утверждают, что вампиры — это нечто присущее также и германскому и греческому фольклору [9]. Среди славянского фольклора в целом

дифференцируют малороссийские, они же украинские, поверья, а также верования, распространенные среди поляков, чехов, сербов, болгар, белорусов, русских. Анализируя имеющиеся в нашем распоряжении словарные и энциклопедические статьи, описывающие феномен “вампиры”, мы убедились в правильности выдвинутой ранее гипотезы о ядерно-периферийной структуре изучаемого концепта, т. е. о неравноценном удельном весе различных признаков и свойств, в совокупности характеризующих концепт ВАМПИР в том виде, в котором он дошел до наших дней и существует в ККМ современного человека западной цивилизации. В нее, согласно задачам нашего исследования, включаем в первую очередь британцев и американцев, а также восточных славян как представителей этноса, собственно породившего концепт ВАМПИР.

Полагаем, что степень экспликации, т. е. заявленности той или иной характеристики в словарях и энциклопедиях, напрямую коррелирует с ядерно-периферийной локализацией соответствующей характеристики в концептуальной структуре. Следуя этому принципу, выделяем три слоя, или три зоны, из которых складывается концепт: ядро, медиальный слой и периферия. Итак, концепт ВАМПИР имеет зональное членение в зависимости от количественной дифференциации смысловых компонентов, т. е. в зависимости от экспликации того или иного смысла в большем или меньшем количестве словарных статей. Наряду с этим мы полагаем необходимым членить анализируемый концепт еще в одной плоскости — тематической. Все смысловые компоненты были сгруппированы нами в четыре сектора, каждый из которых совокупно содержит информацию о том, какова сущность вампира как феномена, какие характеристики приписываются вампиру, какова его деятельность и в каких пространственно-временных рамках существует и действует этот персонаж.

Сопрягая зональное и секторное членение, получаем четкую, многокомпонентную, иерархическую структуру, состоящую из ядерных, медиальных и периферических сегментов, объединенных в 4 сектора, которые (отталкиваясь от содержания ядерного сегмента) обозначаем КТО?, КАКОЙ?, ЧТО ДЕЛАЕТ?, ГДЕ?

Начнем характеристику ядерной части концепта ВАМПИР с описания сегмента КАКОЙ?, поскольку ответ на этот вопрос задаст тон всему дальнейшему восприятию информации о вампире. Все без исключения проанализированные нами справочные источники, дефинируя лему *вампир*, в той или иной форме акцентируют ирреаль-

ность, фантомность, мифологичность обозначаемого феномена. Носителями подобной информации в лексикографической статье выступают т. н. маркеры эпистемической модальности (*epistemic stance markers*), которые согласно Д. Байберу “используются для обозначения авторского комментария относительно статуса пропозициональной информации. Они могут сигнализировать об уверенности или сомнении, точности или приблизительности (информации), они могут указывать на источник сведений или на перспективу, в которой подается информация. Изначальная функция этих маркеров — создание рамки для интерпретации пропозициональной информации” [7: 971–972].

Общая направленность маркеров эпистемической модальности всех справочных статей сводится к указанию на контрфактность, ирреальность феномена “вампир”. Однако сами эпистемические маркеры весьма разнообразны, в качестве таковых функционируют глаголы: *it is/was thought/believed/supposed/ascribed to ...*, *считалось*; наречия: *allegedly*, союз: *якобы, начебто*; имена прилагательные: *суеверные* (*представления*), *сказочный, мифологический* и имена существительные, называющие ненадежный источник информации: *in popular superstitions, in Slavic folklore, in legends, myth, belief, в славянских народных поверьях / верованиях, в мифологии, за народным повір'ям*.

Общей семой, присутствующей во всех этих маркерах, является сема “недоверительность, неправдивость, вымышленность”. Итак, ядерной характеристикой концепта ВАМПИР как компонента современной ККМ является ирреальность фигуры вампира, ее фольклорно-мифологическая атрибуция.

Следующий сегмент концептуального ядра содержит информацию, отвечающую на вопрос КТО такой вампир? Ответ во всех дефинициях — (неумерший) мертвец. Сема “мертвец” выражена непосредственно в дефинициях лексическими маркерами: *dead, corpse, мертвец, покойник, мрець* или же появляется как выводное знание: *вампир* = оборотень, выходящий из *могилы* → *могила* = яма для погребения тел *умершего*; *vampire* = a blood sucking ghost → *ghost* = the soul of a dead person in bodily form.

Однако согласно мифологии, далеко не каждый человек, который умер, может считаться вампиром. Параметр, отличающий вампира, состоит в том, что он есть *неумерший* мертвец. Обращаем внимание, что речь идет не об умершем и сказочно воскресшем, ожившем человеке, а именно о мертвеце, который не умер. Становясь вампиром

после своей “неокончательной” смерти, человек переходит в категорию существ, которые не подчиняются многим законам природы. Его тело, вопреки естественному порядку вещей, не разлагается, см. соответствующие дефиниции: *the body does not decompose; the corpse is found to be fresh; he lives in a dead body*. В отличие от истинно мертвых, он способен быть субъектом активных физических действий: *he leaves the grave; **встает/выходит** из могилы*. Таким образом, будучи мертвым, вампир имеет свойства живого (целостность биологических тканей, способность самостоятельно передвигаться и активно вредить живым). Данный антагонизм характеристик отражен и в словарных дефинициях: *мрець, що нібито **виходить** з домовини; покойник, **выходящий** из могилы; по смерті **бродить** уперем; **встаєт** из могилы*. Подобные дефиниции апеллируют к базовым знаниям носителя языка о том, что в реальной жизни произвольные передвижения субъекта и его смерть несовместимы. См. например характерное высказывание Л. Коротковой о несовместимости в обыденном сознании мира живых и мертвых: “одновременность актуализации двух диаметрально противоположных концептуальных сфер — жизни и смерти — невозможно. Это подчеркивается расхождением в наборе концептуальных составляющих указанных понятий” [3: 96].

Третий сегмент ядерной структуры концепта, который содержит ответ на вопрос ЧТО ДЕЛАЕТ вампир?, также акцентирует внечеловеческий статус этого мифического существа, ибо еще одной облигаторной характеристикой вампира оказывается нечто глубоко противное человеческой природе и современной цивилизации. Абсолютно все справочные источники содержат указание на то, что вампир пьет кровь живых людей: *sucks the blood of living people; вредит людям, высасывая их кровь*. Этой чертой мифологическое сознание, безусловно, выводит вампира за грани *человеческого бытия* при возможном сохранении *человеческого облика*. Усилению запредельности зла, причиняемого вампиром, служит акцентирование беспомощности, незащитности его жертв: *sucks the blood of **sleeping** people; drinks the blood of **young children**; ссе кров **сплячих** людей*. О доминирующем характере данной черты в совокупном образе вампира свидетельствуют данные “Русского ассоциативного словаря”, который “моделирует вербальную память и языковое сознание усредненного носителя языка”. Согласно этому источнику слово-стимул *вампир* получило в ходе психолингвистического эксперимента 102 реакции-ассоциации, из которых почти половина (45 реакций) вербализуют идею высасывания крови:

кровь, кровожадный, кровопийца, человек, пьющий кровь и т. п. [8: 75]. Как справедливо сказано в предисловии к словарю, “ассоциативное поле — это не просто фрагмент вербальной памяти (знаний) человека, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок” [8: 6], следовательно, можно утверждать, что в смысловую структуру анализируемого ментефакта прочно встроена пропозициональная (*пьет кровь живых людей*) и модусная (*что недопустимо*) информация. Итак, ядерной характеристикой концепта ВАМПИР является вредоносность соответствующего существа, его оппозиционный, враждебный статус по отношению к человеку. В архетипическом членении мира на “свои — чужие”, “мы — они” ВАМПИР безусловно включается в правостороннее множество (чужие, они). Согласно “двоичному коду культуры, универсальному для всех архаичных культур, второй член каждой подобной оппозиции рассматривается как неблагоприятный, пейоративный” [2: 72]. Этим в частности объясняется один из факторов эмоциогенности концепта ВАМПИР.

В четвертый, последний облигаторный ядерный сегмент концепта ВАМПИР в современной картине мира у носителя западной цивилизации входят знания о хронотопных параметрах бытия этого мифологического персонажа. Каждая словарная, справочная статья о вампирах содержит сведения о месте пребывания вампира. Этот сегмент ядра мы обозначаем “ГДЕ?”, имея в виду ответ на вопрос “ГДЕ обитает вампир?” или, точнее, “ОТКУДА он выходит, чтобы вредить людям?”

Этот блок информации о мифическом персонаже также характеризуется эмоциогенной (негативно окрашенной) девиацией от общепринятых стандартов бытия, ибо вампир “живет” в могиле, гробу. Он покидает свое пристанище для ночных злодеяний. Н. А. Лысюк в своей монографии о мифологическом хронотопе подчеркивает, что “мифологема гроба как замкнутого пространства, принадлежащего умершему, прежде всего предполагает полную изоляцию и бездвиживание персонажа (невозможность выхода и передвижения)” [6: 79]. Большинство статей эксплицируют паранормальные топосные параметры бытия вампира с помощью слов *grave*, *coffin*, *tomb*, *домовина*, *гроб*, *могила*. Нарушение стандартов реального миропорядка наблюдаем в словосочетаниях *vampire habitates in grave*; *(s)he sleeps in a coffin*; *rises from the tomb*; *выходить з домовину*; *снят в гробу*. Глаголы с семантикой движение *to rise from*, *вставать из*, *выходить из* не укладываются в стандартную модель сочетаемости с существительными

grave, tomb, coffin, домовина, могила, т. к. последние обозначают места вечного упокоения, места, где *лежат* мертвые. Однако и нединамичные глаголы *to habitate, to sleep, спать*, используемые в своем прямом, непереносном значении в сочетании с этими существительными как сирконстантами, также противоречат устоявшимся пропозициональным моделям нашего сознания и вызывают реакцию неприятия, отторжения. Как указывает Н. Д. Арутюнова, “предикат *плохой* сообщает о том, что данное свойство имеет аналог в идеализированной модели мира... *плохое* значит не соответствующее модели мира, осознаваемой как цель бытия человека и его деятельности” [1: 181–182].

Таким образом, видим, что ядро концепта ВАМПИР в большинстве своих сегментов, а именно КТО? (неумерший мертвец), ЧТО делает? (пьет кровь живых людей), ГДЕ обитает? (в могиле) содержит, кроме пропозициональной, диктумной информации, также и единую модусную информацию: вампир есть плохое, враждебное, вредоносное по отношению к человеку начало. Эта оценочная коннотация по закону иррадиации переходит и на четвертый сегмент концептуального ядра КАКОЙ? (нереальный, мифический), окрашивая *все* ядро отрицательной оценочностью.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Оценка в механизмах жизни и языка // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. — 2-е изд., испр. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 130–274.
2. Дмитриук С. В. Бинарные оппозиции правый/левый как один из способов выражения пространственных представлений // Языковое сознание: устоявшееся и спорное. XIV Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Тезисы докл. — М., 2003. — С. 77–78.
3. Короткова Л. В. Семантико-когнитивный и функциональный аспекты текстовых аномалий в современной англоязычной художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук: 10. 02. 04. — Киев, 2001. — 198 с.
4. Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. — М.: Гнозис, 2002. — 284 с.
5. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова и др. — М.: МГУ им. М. Ломоносова, 1997. — 245 с.
6. Лисюк Н. А. Міфологічний хронотоп. — К.: Укр. фітосоціологічний центр, 2006. — 200 с.
7. Longman grammar of spoken and written English / Douglas Biber, et al.; forwarded by Randolph Quirk. — Lnd.: Longman, 1999. — 1204 p.